

2. Бичко І.В., Малишко Л.М. Свідомість як ідеальна діяльність//Філософія: Курс лекцій.-К.,1994.
3. Бондар О.І. Часова структура української народної казки//Мова та стиль українського фольклору:Зб. наук. праць.-К.,1996.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.-М.,1981.
5. Демьянов В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность//Вопросы языкознания.-1983.-№6.
6. Кирилюк А. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Новелла.-Одесса,1998.
7. Кирилюк О.С. Трансцендування як сутнісна риса людини//Філософська і соціологічна думка.-1993.-№2
8. Психологічний словник.-К.,1982.
9. Тураева З.Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное: На матер. англ. яз.-М.,1979.
- 10.Тураева З.Я.Лингвистика текста (Текст:Структура и семантика).-М.,1986.
11. Шендельс Е.И. Категория времени в коммуникативном аспекте//Функционирование языковых единиц в коммуникативных актах.-М.,1986.-Вып.272.
12. Dijk T.A. van Some Aspects of Text Grammar. A Study in Theoretical Linguistics and Poetics.-The Hague-Paris,1972.

Н.В. Бардина

Тенденции современной науки и перспективы антропоцентрического языкознания

Методологический кризис научного знания, наиболее отчетливо проявившийся в 80-е годы нашего столетия, по всей видимости, находит разрешение. Укрепляются и развиваются новые тенденции в создании научной картины мира.

Наука Нового времени, порвав с синтетическими формами античного знания, постепенно превратилась в замкнутую самодостаточную систему, ориентированную на создание редуцированного образа мира и накладывающую тем самым свои ограничения не только на допустимые к постановке вопросы, но и на возможные варианты ответов. Антидуховность стала скрытой предпосылкой любого научного исследования, что в конечном итоге могло привести к упадку всей цивилизации.

Проблеме противоречий научного знания и поискам ее нового образа посвящено много философских исследований. Кроме ставших уже классическими работ *Дж.Агасси, В.Куайна, Г.Х.Гадамера, М.Хайдеггера, Т.Куна, И.Лакатоса, Х.Патнэма, К.Поппера, М.Полани, П.Фейерабенда*, назовем исследования *Н.Т.Абрамовой, В.С.Библера, В.Е.Буденковой,*

К.Глой, В.А.Лекторского, М.К.Мамардашвили, В.В.Налимова, Н.Ф.Овчинникова, Т.И.Ойзермана, М.А.Ожеева, М.В.Поповича, В.С.Стетина, В.С.Швырева, Ю.А.Шрейдера, Г.П.Щедровицкого, Б.Г. и Э.Г. Юдиных и др. Выводы, к которым приходят авторы, в принципе однозначны. Во-первых, современная наука достигла того уровня понимания действительности, на котором отказ от единых и универсальных критериев истины, признания многообразия мира и – как следствие – неоднородности научной картины, отображающей этот мир, выступает как непереносимое условие дальнейшего развития познания. И во-вторых, человечество вовлекается в новый виток познающего разума: виток, диалектически сочетающий в себе достижения предшествующих эпох и предполагающий комплексное исследование взаимосвязей человека и мироздания.

Сегодня мы становимся свидетелями революционной смены механистической картины мира, с ее четким противопоставлением субъекта и объекта, атомистической ориентацией теоретических описаний, на холистически-органологическую, синергетическую, в основе которой – примат органически развивающейся целостности; античный “диалог человека с природой” [29 : 43].

Наука – одна из форм интеллектуальной деятельности, обоснованная стремлением к познанию мира. Деятельность же, в том смысле, который со времен Г.Гегеля вкладывается в этот термин, представляет собой специфическую опосредованную форму активности, соответствующую поставленной цели. Цель и определяемые ею принципы организации научного знания диктуются культурно-исторической эпохой и уровнем знаний в той или иной области. Следовательно, изменение ориентации науки влечет за собой изменение принципов деятельности познания. Эпоха постмодернизма, наступившая во второй половине нашего столетия и пересмотревшая идеалы науки, рожденные еще в эпоху Просвещения, выдвинула на первый план принципы, часть которых выступает как антитеза принципам классической науки, подробно описанным в многочисленных методологических исследованиях, как возрождение античных антропоцентрических традиций постижения бытия.

Антропоцентризм как система мировосприятия и установка научного познания зародился в идеях мыслителей Древней Греции и является принципом, на протяжении веков опровергаемый и неизменно возрождающийся вновь, на ином витке познания. Антропология глубоко отличается от всех других отраслей философии: здесь имеют место не последова-

тельное развитие теорий и концепций, но радикальные разрывы, порожденные враждебными друг другу духовными идеями.

В “Опыте о человеке...” Эрнест Кассирер описывает парадоксы, которые встречаются ему на пути натуралистического объяснения человека. Так, придерживаясь биологических воззрений на природу человека, типа дарвиновских, мы должны были бы ожидать, что первые шаги человеческой мысли окажутся связанными с познанием физического окружения, жизненно необходимым для целей выживания. Однако в древнейших известных нам мифологических формах познания мира мы сталкиваемся с примитивной антропологией, переплетенной с космологией [16].

У древних греков на первом месте стоят вопросы космологии, а переход к антропологии намечается уже у Гераклита. Начиная с этого времени, все события, явления и вещи окружающего мира воспринимались и осознавались античными мыслителями антропоморфически – лишь как объекты, продукты или средства реализации воли существа, подобного человеку. Поэтому любой древний грек, глядя прямо в лицо природе, не видел “в этом лице ничего, кроме отражения своей собственной физиономии” [14:84].

Однако уже там, в античности, наметилось противопоставление двух разновидностей антропоцентризма, с наибольшей отчетливостью проявившееся в наше время. Первая линия брала свое начало от признания человека высшей целью мироздания, самоценной и самодостаточной величиной, затмевающей все вокруг. Такую позицию усматривают в мировоззрении Сократа, который, по свидетельству Платона, был тонким знатоком природы человека, но обнаруживал при этом полнейшее незнание окрестностей родного города, объясняя это – как ни парадоксально – своей любознательностью, которую могут удовлетворить только люди, так как “местности и деревья” не в состоянии ничему научить [25:163]. Именно Сократа, для которого самопознание становится главнейшей и единственной целью философии, считают основоположником современной антропологической философии [39:6] и теологического антропоцентризма, который не без основания был включен Ю. Бохеньским в словарь предрассудков человечества [7:25].

Действительно, безоговорочное следование такому абсолютному, или онтологическому, антропоцентризму вряд ли способствует развитию научного знания. Намного более гибкая и емкая та разновидность антропоцентризма, которую можно назвать релятивным, или гносеологическим. В основе этой разновидности также лежит признание особой

роли человека в реальности: трудно усомниться в том, что окружающий нас мир – это мир очеловеченный. Мы не можем его себе представить вне преломления человеческим сознанием. Но это должно вести не к абсолютизму антропоцентрической замкнутости, заукленности в субъективных рамках, а наоборот – к признанию и осознанному использованию антропной проекции каждого фрагмента реальности. Изучение человека в целостности его психологических, социальных, культурно-национальных, физиологических и прочих структур, во всем комплексе его внешних связей и отношений – единственный путь к познанию мироздания.

Именно на таких позициях стояли и Гераклит, и Парменид, и Платон, и Аристотель, и Демокрит, впервые употребивший термин “*микрокосм*” применительно к человеку. “Признавая познание делом прекрасным и достойным, – писал Аристотель, – но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы” [2, 1:371].

В гносеологическом антропоцентризме заключалась, как нам представляется, необыкновенная мудрость древних греков, которая позволила им смело обращаться к исследованию всего актуально и потенциально сущего, не опасаясь ни темных глубин души, ни высоких недостижимых вершин объективных законов.

Уже Сократ понимал, что нельзя раскрыть природу человека теми же методами, как и природу какого-либо физического предмета, что эта задача требует исполнения диалога и диалектического подхода. Сократ также впервые связывает достижение человеком совершенства с достижением гармонии с миром. Тот, кто живет в гармонии со своим Я, со своим “демоном”, пребывает и в гармонии со вселенной. По учению стоиков, идеал человека – пребывание его в гармонии с природой, а вместе с тем и сохранение его моральной независимости от природы.

Позднее в христианской теологии идеал абсолютной независимости человека стал рассматриваться как его крупнейший порок. Свое самое яркое развитие христианская антропология получила у Паскаля, одного из основателей современной науки. Человек у Паскаля – это “мыслящий тростник”, частичка Бытия, наделенная разумом, “середина между ничто и все” [24: 136]. Обычно комментаторы замечают в этих определениях

провозглашение зависимости человека от Природы, нас же интересует акцентирование смысла “середина”: человек не просто часть Вселенной, это связующее ее звено. В своих естественно-научных трактатах Паскаль приходит к заключению, что термин “человек” относится к исходным терминами познания (наряду с терминами “время”, “пространство”, “движение”, “равенство”, “число”, “быть”), определение которых не только бесполезно, но и опасно [41].

Новое время возродило античную эвристическую мощь понятия “человек” при построении картины мира. “Несомненно, – рассуждал Дэвид Юм, – что все науки в большей или меньшей степени имеют отношение к человеческой природе и что, сколь бы удаленными от последней ни казались некоторые из них, они все же возвращаются к ней тем или иным путем.

Даже математика, естественная философия и естественная религия в известной мере зависят от науки о человеке, поскольку они являются предметом познания людей и последние судят о них с помощью своих сил и способностей” [40, I:82].

Г.Лейбниц своим дифференциальным исчислением смог показать интеллигибельность физической вселенной, законы которой по существу те же, что и законы разума [19].

Чрезвычайно важной является в этом вопросе позиция И.Канта. Позитивисты, ориентируясь на идеал естественнонаучного знания, часто обращались к ставшей афоризмом фразе Канта “Я утверждаю, что в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики” [15:38]. Вместе с тем для Канта математика была, прежде всего, наукой, строящейся на априорных врожденных интуициях **человека**, связанных с ощущением пространства и времени. Присутствие в науке математики, следовательно, означало включенность в научную теорию структуры человеческого сознания, конструирующего реальность из внешнего ощущения протяженности и внутреннего ощущения длительности.

Работы представителей антропологической философии, не внося практического вклада в развитие научного знания, все-таки помогли увидеть, что, помимо традиционно выделяемых материального и идеального миров реальности, необходимо учитывать особый “мир человека”, в котором фокусируются и преломляются все стороны жизни. Как совершенно справедливо утверждал Макс Шелер, именно человек “соединяет в себе все

сущностные ступени наличного бытия”, приводя всю реальность к “концентрированному единству” [39:37].

По мнению Н.Бердяева, введшего понятие трансцендентального антропологизма, в основании появления самой философии лежит предположение, что мир есть часть человека, а не человек часть мира: “У человека, как дробной и малой части мира, не могла бы зародиться дерзновенная задача познания” [6:115]. Знаменательно при этом подчеркивание, что антропоцентризм отнюдь не сродни психологизму. Психологизм – это замкнутость в природном мире. Трансцендентальный антропологизм – попытка прорваться к смыслу за объективный, вещный мир бессмыслицы. Здесь мы видим зарождение синтетизма нового метода нашего времени: наука будущего – это постижение не структуры, не значения, это постижение **смысла**.

Герменевтическая экспансия знаменует сегодня возвращение современной научной методологии к античным концепциям синтетизма знания, антропоцентричности познания как на уровне познаваемого объекта, так и на уровне познающего субъекта. На уровне объекта – это нелинейность, изменчивость, *видимость*, значимость для человека, на уровне субъекта – сопричастность, сопереживание с объектом, интеллектуальная страстность [26]. Если классическая наука стремилась отделить объект исследования от субъекта, особую роль в достижении объективности отводя повторяющимся процессам, исключая уникальное из области научного рассмотрения, то современный системный стиль мышления основан на идее включенности субъективного компонента в общую объективную картину мира, стремясь к интегративности и целостности как к высшей форме познавательного процесса.

В работе “Культура постмодернизма” И.Хассан предлагает список различий систематизации знания в гносеологическом пространстве модернизма и постмодернизма, которые явно демонстрируют близость современной научной методологии к античным воззрениям антропо-космоцентризма [42:123-124]. Так, например, среди прочих в нем содержатся такие противопоставления:

<i>Модернизм</i>	<i>Постмодернизм</i>
закрытость	открытость
целеустремленность	игра
законченная работа	процесс

центрированность	дисперсность
детерминированность	недетерминированность
мастерство	истощенность
иерархия	анархия
отстраненность	вовлеченность, соучастие
семантика	риторика
выбор	комбинирование
глубина	поверхность

Парадигмальность таких принципов научной систематизации, как нелинейность, вероятность, процессуальность, синергетичность, целостность (холистичность), дополнительность, неоднородность, релятивизм, гармония, о которых пишет большинство современных методологов, была закреплена успехом известной теории изменения Ильи Пригожина, посвященной описанию самоорганизующихся открытых необратимых систем. По мнению Олвина Тоффлера, идеи И. Пригожина “играют центральную роль в последней по времени научной революции”, возвращая естественные и гуманитарные науки в реальный мир непредсказуемой изменчивости и интеграции [37:32-33].

“Нужно отказаться от картезианского дуализма и попытаться увидеть мироздание в неразрывной его целостности”, – так сформулировал задачу современной науки известный физик, экспериментатор Владимир Налимов, последовательно пришедший к идее гармонии вселенной [23:55]. Под влиянием идей антропоцентризма изменилось само представление об экспериментальных возможностях верификации теоретического знания. В системе постмодернистских идей классический эксперимент оказывается противоестественной формой познания, отражающей машинное представление о природе. “Для новоевропейского понимания эксперимента, – пишет известный немецкий философ Карен Глой, – симптоматичны три момента: 1) со стороны субъекта определенная установка по отношению к объекту, соответствующая априорно созданному плану, который совпадает с определенной теорией или научной гипотезой; 2) со стороны объекта – подгонка его к этому плану или этой гипотезе, что предполагает изолирование предмета, изъятие его из естественного окружения; 3) что касается отношения субъект-объект, то здесь имеет место логическая абстракция, которая устанавливает однозначное, неизменное отношение между субъектом и объектом и исключает все, что сюда не относится и что в данный момент не интересует исследователя. В силу этих искажений

подвергаемый эксперименту объект предстает не в своей естественности и включенности в окружающий мир, а оказывается искусственно препарированным объектом науки. [...] То же самое имеет силу и по отношению к экспериментатору, который, приступая к эксперименту, деиндивидуализируется и деперсонализируется, становясь анонимным, всеобщим субъектом” [10:337-338]. Отсюда следует вывод, что для создания антимеханического, естественно-целостного образа мира, куда включен человек как его смыслообразующий элемент, необходимо отказаться от эксперимента, вернувшись к античным принципам “страстного созерцания”, заменив механистический принцип отношения к природе на проявляющуюся в активной или пассивной форме *симпатию* (от древне-греческого *πάθος* ‘страдание’, ‘претерпевание’, ‘взволнованность’), то есть сострадание, совместное движение субъекта и объекта по знания [10:343]. Принцип “соучастия” как ведущий методологический принцип, пришедший на смену принципу интерсубъективности, отстаивается и менее радикально настроенными учеными. В последние годы появилось понятие “деятельностного эксперимента”, не ограничивающего активность экспериментатора при условии сохранения им общих исходных методологических принципов.

Идеи соучастия, историко-культурной изменчивости истины, нелинейности научного описания и многомерности познания воплотились в концепции научно-исследовательских программ, предложенной выдающимся философом современности Имре Лакатосом. Он обратил внимание на то, что каждая теория содержит особый пласт допущений и утверждений, которые в рамках данной теории не доказываются, выступая предпосылками. Но предпосылки эти тем не менее оказываются собственно основой теоретизации, так что устранение их или пересмотр влекут за собой разрушение или отмену данной теории. Так возродилась идея Канта о принципах телеологической структуризации знания: научно-исследовательская программа, по мнению Лакатоса, задавая основную характеристику предмета исследования, а также принципы теоретизации и получения нового знания, связывая мировоззренческие и собственно научные аспекты познания, анализ явлений эмпирического мира, выступает по сути тем каркасом принципов, которые обеспечивают особенность и целостность познаваемой области. В сущности, научно-исследовательская программа выступает в функции “сверхметода”, позволяя вырасти на своем фундаменте нескольким теориям, отличающимся различным соче-

танием основных и вспомогательных принципов научного исследования. При этом с точки зрения научности оценивается в таком случае не одна изолированная теория, а последовательность теорий, созданных в рамках методологии исследовательской программы [18].

В отечественной методологии науки идеи И.Лакатоса были поддержаны многими философами, однако в практику разработки частнонаучных методов они фактически не проникли из-за кажущейся несовместимости ретроспективного и проспективного науковедения и несогласуемости разработанных классификаций методов с понятием научно-исследовательской программы.

Соединение понятий научно-исследовательской программы и целенаправленной упрощающей (каркасной) методологической системности дает основание для следующих рассуждений. Если цель науки представляет собой последовательную цепочку задач по установке познающего разума, выявлению проблем, их схематизации, получению новых знаний, объясняющей систематизации и открытию перспектив применения полученной теории, то научный метод, рассматриваемый как форма целостной деятельности, должен быть представлен как система, объединяющая знания в процессе разрешения поставленных проблем.

Сложность системы метода зависит от конкретных целей, которые ставит перед собой исследователь, от степени задаваемой теоретизации. В полном своем объеме это часть научно-исследовательской программы, характеризующая согласованностью принципов формирования предмета исследования и всех зависящих от исходной установки форм теоретического и практического мышления. И в этом смысле реализация научно-исследовательской программы может быть представлена как определенная модель предмета.

О методе моделирования существует обширнейшая литература [см., напр., работы А.Шарова, Ю.Шрейдера, Ю.Неуймина, В.Штоффа, Н.Хагера, Г.Герца, А.Либшера, Ю.Гастева, И.Новика, Н.Мамедова, А.Лосева и др.], в которой порой представлены взаимоисключающие друг друга толкования моделирования как простой механической копии объекта, с одной стороны, и как единственно истинного метода, способного отражать *суть* изучаемого предмета, с другой [ср., например: 9 и 27].

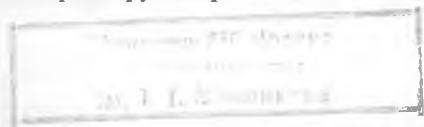
На наш взгляд, потенциал понятия модели в современной науке, его эвристическая значимость может быть объяснены только исходным толкованием термина: модель – это *ритм*, задаваемый историко-социально-

1326333

личностной ситуацией познания и способный охватывать и интерпретировать познаваемый объект. Близость к такому пониманию находим у Имре Лакатоса, для которого модель – это метафизический принцип, подвижная система граничных условий существования и объяснения научных фактов, соответствующая позитивной идее научно-исследовательской программы и обеспечивающая ее развитие. Каркас научного знания представлен, таким образом, как сложная система сложных моделей конструирования реальности [18:86]. Используемое в данном случае понятия ‘конструирование’ выявляет связь с кантовским пониманием познания как идеального конструирования, органически соединяющего объективный и субъективный компоненты гносеологического акта. И мы считаем это чрезвычайно знаменательным и продуктивным, так как распространенный позитивистский термин ‘отражение’, несмотря на попытки сторонников диалектики показать условность его использования (ср. ленинское “сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его”), в силу своей метафорической прозрачности ориентировал исследователей опять же на поиски интересубъектных принципов постижения реальности. Построение отражательных моделей проводит четкую грань между “внешним миром” и исследователем, что не отвечает современному уровню представлений о сути познания.

Понимание модели как предлагаемой возможной истины, объясняющей факты, – понимание характерное для эпохи новой рациональности и представляющее собой в некотором роде историзированное кантианство, подробно разработано в ставших уже классическими трудах американского философа М. Вартофского.

Обратившись к исследованию проблем исторической эпистемологии, Вартофский выдвинул идею, что основное отличие людей от прочих животных заключается в их способности самостоятельно создавать средства своего познания, когнитивные артефакты. Эти когнитивные артефакты и суть “модели, т.е. репрезентации для нас самих того, что мы делаем, чего хотим, на что надеемся” [8:11]. Включая модель в общую концепцию глобальной репрезентативности, Вартофский подчеркивает, что модель отражает не столько предмет, сколько “состояние дел”, когнитивную ситуацию изучения этого предмета, охватывающую систему знаний и убеждений познающего субъекта, предполагаемую форму деятельности, репрезентацию будущей практики и освоенных форм деятельности. “Каждая модель фиксирует определенное отношение к миру

или к моделируемому ею объекту и вовлекает в это отношение своего творца или пользователя" [8:23]. Являясь идеальным конструктом "состояния дел", модель выступает и как форма самопознания, как "самоконцепция", стимулирующая научный поиск, синтез и гармонизацию содержания познающего мышления [33:157-158].

При таком понимании метод моделирования превращается в основополагающий принцип реализации научно-исследовательских программ, выступая как общенаучный сквозной метод, обеспечивающий "монограммность" (термин И. Канта) в процедурах получения, систематизации и экспликации научного знания, единство эмпирической и теоретической составляющих, экспериментального анализа и субъективного синтеза.

Таким образом, говоря о тенденциях современного научного познания, можно отметить, прежде всего, возрождение античного подхода к реальности и связанное с ним возрастание значения таких эвристических и систематизирующих принципов, как соучастие, целостность, нелинейность, гармония, процессуальность, явленность, комбинационность, открытость и др., обновление верификационных процедур, ориентированных не на вневременную интерсубъектность или надсубъектность, а на культурно-исторический уровень эпистемологии, переосмысление метода моделирования.

Посмотрим теперь, насколько общенаучные тенденции проявились в области языкознания.

Номинально античная идея нерасторжимости человека, его сознания, мирового духа и языка традиционно присутствовала в исследованиях линии вистов разных эпох. Говоря об антропологическом взгляде на язык, обычно вспоминают имена *И. Г. Гердера*, *В. Гумбольдта*, *Г. Пауля*, *Г. Штейнцеля*, *И. А. Бодуэна де Куртенэ*, *А. А. Потебни*, *В. А. Богородицкого*, *К. Бюллера*, *В. Матезиуса*, *Г. Г. Шпета*, *К. Фосслера*, *Р. Якобсона*, *Ф. Боаса*, *Э. Сеттера*, *Б. Уорфа*, *Э. Бенвениста*, *Г. Гийома*, *А. Мартине*, *Л. Вайсгербера*, *У. Чейфа*, *В. Дорошевского*, *А. Вежбицкой*, *Г. Г. Рамишвили* и др.

Однако вряд ли можно говорить о какой-либо преемственности границей, формировании единого пространства антропоцентрической лингвистики, так как практически каждый автор использовал лишь внешнюю оболочку исходных понятий, но не их смысл, вкладывая в известные термины свое содержание.

Необходимость комплексной радикальной антропоцентрической переориентации лингвистики была осознана в 60-годы нашего столетия [13].

Скандальной назвал *Ролан Барт* сложившуюся в последней трети века ситуацию, при которой существует множество способов подробнейшим образом описать отчужденный от человека, завершенный продукт его речевой деятельности, но нет ни одной сколько-нибудь удовлетворительной модели живого производства устного текста, возникновения неуловимой структуры дискурса, отображающего самого человека [5: 503]. Лингвистика, пройдя этапы увлеченности соссюровскими *langue* и *parole*, закономерно подошла к необходимости синтетических исследований того, что было некогда определено Ф. де Соссюром как *langage* и заявлено как конечная всеобъемлющая цель науки о языке, – то есть к антропоцентризму.

За последние десятилетия идея антропоцентризма стала стержневой идеей языкознания. Об этом, в частности, свидетельствует проведение тематических конференций, издание книг и статей, в названиях которых фигурирует человеческий фактор в языке, языковая личность, языковые картины мира, лингвокультурология и т.д., значительное возрастание докладов с соответствующей тематикой на лингвистических конгрессах, в частности, на последнем Международном конгрессе славистов, проходившем в Кракове.

Но осознание необходимости изменений не может само по себе привести к изменениям. Как мы попытались показать выше, общенаучный поворот к человеку повлек за собой антропоцентрическую переориентацию всей методологии. В лингвистике же этого не произошло. Прежде всего, обращают на себя внимание разночтения в понимании самой сути антропоцентризма, несогласованность и противоречивость проводимых исследований, которые проявляются в использовании механистических способов анализа при провозглашенном синтетизме предмета исследования, изобретении новых терминов для обозначения известных понятий, разработке традиционных тем под лозунгом новаторства, с одной стороны, и формализме в преемственности традиций, – с другой.

Таким образом, можно утверждать, что несмотря на антропоцентрический бум в лингвистике, реальный человек в научной картине языка пока не присутствует [23:84; 20:55]. Причин тому можно назвать несколько. Но главная из них – отсутствие методологии проведения антропоцентрических исследований, соответствующей современному состоянию знания, что связано с общей методологической незаинтересованностью современных лингвистов, пошедших по пути эклектики и эпистемологического анархизма, провозглашенного П.Фейерабендтом.

Анализ специальной литературы по методологическим проблемам языкознания показывает, что наша наука еще не достигла должного уровня рефлексии, которое характеризует другие области знания, в том числе историю и культурологию [12].

“Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?” – назвала Р.М.Фрумкина свою статью, включенную в сборник “Язык и наука конца 20 века” [38]. Сама постановка такого вопроса естественно предполагает отрицательный ответ. Сравнивая методологические разработки в лингвистике и в исторических науках, автор статьи приходит к убедительному заключению: наука о языке в силу необъятности своего объекта должна в каждом конкретном своем проявлении опираться на исходную аксиоматику, обусловленную, в свою очередь, четко определенным предметом избранной области, однако большинство современных исследователей не видит в этом никакой потребности. Исследования языка оказываются практически никак не соотнесенными с немногочисленными специальными методологическими работами. Считается достаточным назвать лишь некоторое количество традиционно выделяемых методов, не акцентируя внимания на степени соответствия производимых над материалом процедур теоретическим постулатам.

Вместе с тем, интерес к методологии в лингвистике за последние годы несколько возрос. Об этом можно судить по содержанию самого сборника “Язык и наука конца 20 века”, в котором, кроме названной работы Р.Фрумкиной, помещены глубокие статьи Ю.С.Степанова, В.З.Демьянкова, Е.С.Кубряковой, В.И.Постоваловой, Д.И.Руденко и В.В.Прокопенко, П.Серио, по периодическим выпускам сборников с методологической направленностью, издаваемых в нашей стране. Однако содержание этих работ носит аналитико-комментирующий характер ситуации на нижних методологических уровнях языкознания.

Примечательным при этом представляется тенденция к исчезновению собственно термина “метод” из лингвистических работ и преимущественному использованию более гибких “идея”, “теория”, “парадигма”, “эпистема”, “модель-метафора” и т.п.

Многие из проводимых методологических дискуссий как затрагивали раньше, так и затрагивают сегодня только плоскость конкретных методик (например, методики фонематического, концептуального, прототипического и пр. анализа), которые, будучи включенными в более широкое эпистемологическое пространство, представляют собой взаимо-

дополнительные, а не противоречащие друг другу процедуры.

Совершенно естественной стала разобщенность методологических разработок и научного самосознания. Эта особенность лингвистики особенно очевидна в сборниках и конференциях, связываемых с каким-либо новым направлением, в том числе и антропоцентрическим. Ведь то, что называется “направлением” в лингвистике, отражает только содержание базовой метафоры: “язык – орудие”, “язык – структура”, “язык – форма поведения”, “язык – система правил исчисления” и т.д., которое в принципе не каузирует выработку специфических анализирующих и систематизирующих принципов и создающих в конечном итоге целостность метода. Поэтому провозглашение нового направления отнюдь не означает возникновение нового метода. Показательным в этом плане можно считать название вышедшего в 1992 г. солидного сборника “Методологические основы новых направлений в мировом языкознании”. Понятие “направление” толкуется авторами как синонимичное понятию “подход”, то есть как аспектуализация языка, а под методами традиционно для языкознания понимается система процедур, которая может использоваться не только в разных направлениях, но и в разных науках.

В результате в лингвистике остается до сих пор не сформированным пласт т.н. “теорий среднего уровня”, – теорий, которые ассимилируют некоторые общеполитические принципы для выработки системы получения знания именно в данной отрасли знания, с учетом ее специфики и свойств постулируемого предмета и сами используют эту систему в процессах экспликации и верификации.

Если попытаться выделить основные лакуны в эпистемологии лингвистики, то ими, как нам представляется, окажутся а) нерасчлененность представления о методологии вообще, б) редукция понятия “метод” и онтологизации методологического опыта, в) разрыв методологической цепочки, пренебрежение кантовским принципом монограммности научного описания, которое должно пройти последовательно несколько согласованных этапов: 1) эвристически-сущностный, конструирующий идеализированный объект в соответствии с поставленной целью, 2) селективно-эмпирический, определяющий область фактов, которые могут быть охвачены данной теорией, и способы их получения, 3) систематизирующий, включающий принципы упорядочения и объяснения основных понятий, 4) металингвистический, или, вернее, супралингвистический, устанавливающий соотношенность строимой теории с философскими кон-

цепциями и общеметодологическими принципами.

С одной стороны, ориентация на авторитеты и фактический запрет на самостоятельный выбор ученого привели к тому, что в отличие от западной лингвистики, в советском языкознании онтологизация лингвистических фактов, редукция процедурной подсистемы метода объяснения и верификации, была выражена особенно отчетливо и носила предписывающий характер. Эти тенденции сохранились до сих пор. “Лингвист не отыскивает [...] факт в явлениях речи, – утверждается в университетском учебнике, изданном уже в 1990 году, – а опирается на определенную традицию”. И далее: “[...] необходимо опираться именно на удостоверенные компетентными словарями и грамматиками факты” [31:119]. Иными словами, лингвист (имеется в виду, конечно, “рядовой” лингвист, так как компетентные словари и грамматики тоже ведь были написаны лингвистами) не имеет права не только на поиск “пути следования” как на определение направления, но и как на выбор самого “ландшафта”, ибо все это уже было определено авторитетами раз и навсегда.

С другой стороны, методологическая неопределенность и разноликость современной лингвистики стала настолько явной, что все сильнее стала проявляться тенденция к интеграции. Однако тенденция эта не имеет внутреннего методологического стержня, так как все равно ориентирует лингвистов не на пересмотр эпистемологии и образование цепочки “суть предмета – эмпирический базис и принципы теоретизации – принципы экспликации”, а на поиски “в запасниках” лингвистики и примеривание старых приемов к новым целям познания, на объединение по принципу “партийности”, то есть по чисто номинативному признаку. Для этого создаются различные апостериорные методологические “зонтики” [см.: 17:215]. Так, например, по мнению В.И.Постоваловой, “в рамках антропологической лингвистики могут быть объединены и успешно развиты на единой методологической основе такие направления лингвистики, как лингвогносеология, предметом которой является познавательная функция языка как формы представления познаваемого человеком мира, лингвосоциология (социолингвистика), изучающая взаимоотношения языка и общества, лингвопсихология (психолингвистика), изучающая взаимоотношения языка и индивида, лингвобихевиорология (лингвопраксеология), изучающая роль языка в практическом поведении человека, лингвоэтнология (этнолингвистика), ориентирующаяся на рассмотрение взаимосвязи языка, духовной культуры народа, народного менталитета и

народного творчества, лингвопалеонтология, исследующая связи языковой истории с историей народа, его материальной и духовной культурой, географической локализацией, архаическим сознанием” [28: 8-9].

Однако “методологическая основа” – это не название и даже не базовая метафора, это комплекс систематизации, анализа, исходящий из сущностной интерпретации исходных постулатов. Следовательно, чтобы действительно объединить все выше названные направления, необходимо, прежде всего договориться о приемлемом понимании сущностных характеристик самого человека и языка. При этом, конечно, должно быть сформировано многомерное “твердое ядро”, позволяющее развивать положительную эвристику по разным, но взаимносогласованным направлениям. Проволялашение же одного какого-либо параметра как общеобязательного при такой широкой (категориальной, по Паскалю) исходной ориентации, как человек, может привести только к дальнейшему росту эклектики.

Так, сетуя на конгломератный характер современного языкознания и заключая, что последние исследования все чаще провозглашают свою программу как когнитивную, Ян Ньютс предлагает объединить все существующие антропные направления и смежные с ними области других наук в комплексную “когнитивно-прагматическую лингвистику”, ориентированную на прагматическую перспективу [43]. Но сама по себе прагматика – направление семиотики, так что, провозглашая таким образом “новую науку”, мы фактически сможем только переориентировать лингвистическую семиотику, не изменив при этом ничего из подчиненных методологических уровней.

Думается, что для того, чтобы создать лингвистическую научно-исследовательскую программу в духе Лакатоса, вряд ли целесообразно идти по пути объединения “сверху”, нужно усилить сквозную комплексную рефлексию не просто над формирующим уровнем, но над всеми составляющими методологической системы. Ведь, в сущности, совершенно прав был в этом вопросе Ф. де Соссюр, заметивший, что “точка зрения и создает объект”, что “ни один, даже мельчайший языковой факт не существует независимо от той или иной точки зрения, которая определяет проводимые нами разграничения” [34: 109].

Использование методов среднего уровня, не соответствующих исходным эвристическим постулатам, меняет, в итоге, провозглашаемую реальность. Так, например, советская школа психолингвистики, опирающаяся на исходные посылки, связанные с емкими метафорами Л.С. Выготского

(“Мысль – это облако, из которого речь исходит в каплях”, “Мысль не осуществляется в речи, а рождается в ней”), то есть посылки, в которых язык (речь) постулируется как форма осуществления мысли, в качестве систематизирующих использовала методы, привнесенные из психологии деятельности, сделав фактически все выводы, касающиеся протекания речевой деятельности, тривиальными и неспецифицирующими: описание шло по линии совмещения иерархической структуры языка и поэтапности физиологических операций. Однако, вероятно, никто сейчас не будет сомневаться, что при отождествлении речевого взаимодействия с неречевым язык как таковой выпадает из рассмотрения: “Стремление основывать изучение языкового поведения исключительно на общих теориях поведения или действия может дать лишь тривиальные выводы. Для лингвиста существенно важно не то, в чем языковая деятельность подобна любой другой деятельности, а то, чем она отличается от иных видов деятельности” [32:134-140].

С другой стороны, в истории языкознания нередки случаи, когда избранная метафора не отражала в полной мере задуманного автором, но была воспринята в соответствии со своей внутренней формой и – в зависимости от отношения к теории в целом – служила как основой критики, так и парадигматизации. Подобная история произошла с теорией Наума Хомского. Создавая свою концепцию *порождения речи*, он вовсе не имел в виду *процессы языковой деятельности человека*, а лишь использовал метафору для обозначения кибернетической модели-схемы, о чем неоднократно говорил и писал. Однако в лингвистической литературе одновременно появились и резкие критические замечания о несоответствии описанных операций реально наблюдаемым, и многочисленные почтительные переложения данной теории для объяснения акта создания речевого высказывания.

Как нам представляется, с методологической точки зрения, антропоцентризм это не просто включение *Homo loquens* в схему рассмотрения языка, но выявление сущностных характеристик языка в антропоцентрическом гносеологическом пространстве и соответствующее изменение принципов построения всех уровней систематизации, экспликации и интеграции.

Если в науке в целом антропоцентрический поворот означает возрождение античного “страстного сопереживания” исследователя с исследуемым объектом, построение квантово-релятивистской синергетической картины мира, то в области лингвистики это должно означать неизбеж-

ность синтетического изучения подвижного слияния человеческой души и языка, включаемого в общую сферу человекознания.

Современная же лингвистика все явственнее стала склоняться к базовой метафоре “язык – линза”, представляющей собой истолкование одной из фрагментарных мыслей В.Гумбольдта “мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека”. В связи с этим практически все конкретные исследования, написанные в свете этой метафоры, начиная с Э.Сепира, Лео Вайсгербера и заканчивая последними работами, конструирующими т.н. “языковую картину мира” [см., напр.: 1; 21; 35], в качестве среднего и нижнего методологического звена используют устоявшиеся приемы семиотического анализа отдельных слов и грамматических конструкций. Тогда как для В. Гумбольдта принципиально важным было именно то, мир языка не статичен и структурирован, а деятельностно-синтетичен, что и позволяет ему быть неотъемлемым свойством человека.

Вместе с тем синтетизм это не эклектика, а система особого рода, – система, аналогичная тем, которые современные физики называют “мягкими”, нестационарными. Рассматриваемый с позиций антропоцентризма, язык предстает перед нами как сложная сверхсистема. Сложная не в смысле ее механической громоздкости, а в смысле одновременной принадлежности “трем мирам реальности”: материальному “миру тел”, идеальному “миру духа” и особенному “миру человека”, в котором синтезируются два вышеназванных “мира”, – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как *атрибут человека*, язык не может быть представлен только в одном каком-либо традиционном плане – материальном или идеальном, но вместе с тем его нельзя представить и как простое соединение этих двух сторон, соединение формы и содержания, поскольку в таком случае категории языка абстрагируются от человека, выходят за пределы того исследовательского поля, в котором сопрягаются материальные и идеальные структуры, рождая при этом принципиально иную сущность. Следовательно, антропоцентризм требует пересмотра основного формирующего принципа научной системности, создания научно-исследовательской программы.

Поэтому явным недоразумением можно считать предложение противопоставлять антропоцентрическую и системоцентрическую лингвистики [30]. Антропоцентризм, как и любая научная парадигма, исходит из понятия *системы* (функциональной совокупности взаимосвязанных эле-

ментов), но если при альтернативном подходе в центр системы ставится знаковость языка как самодостаточного дискретного образования, используемого человеком в различных ситуациях, то при антропоцентризме точкой отсчета становится способность человека конструировать мир в языке. лингвоментальная форма существования субъекта. Следовательно, противопоставление фактически идет по линии *антропоцентризма* и *сигноцентризма*, или *антропоцентризма* и *кибероцентризма* (если рассматривать конструктивно-порождающие теории), а *системоцентризм* оказывается интегральным признаком этих подходов [3].

Разработка исходного тезиса В.Гумбольдта о языке как энергее духа «не заканчивается, а скорее только начинается» [36:29]. Системообразующими принципами антропоцентрической системы, определяющими направление, по которому могли бы пойти изменения, могут стать конфигуративность (одновременное проецирование на эвристические экраны особенностей включаемости говорящего человека в ситуацию и разворачивания спонтанного текста) и энергеальность (незаканчиваемое осуществление речевого творчества).

Энергеальность логосознания человека – это непрерывный процесс создания многомерных единиц языкового конструирования, зависящий от актов различения и типизации переживаемого фрагмента действительности. – процесс не тождественный динамичности, подвижности и изменчивости единиц уже заданных. Использование этих принципов поможет создать новую модель языка, репрезентирующую наше представление о нем как о «доме бытия».

Язык, рассматриваемый в антропоцентрическом пространстве, – это средство упорядочения личностного сознания путем расчленения его конвенциональными стереотипами, средство преодоления внутреннего хаоса и достижения гармонии человека с миром и с самим собой. [подроб. см.: 4].

Полагаем, что только последовательная реализация метода, основанного на таком толковании сути языка, может привести нас к созданию целостной антропоцентрической лингвистики, достойной человека.

1. Антропоцентричний підхід у дослідженнях мови. - Ніжин, 1998.

2. Аристотель. Соч.: В 4-х томах. - М., 1975-1983.

3. Бардина Н.В. Языковая гармонизация сознания. - Одесса, 1997.

4. Бардина Н.В. Антропоцентризм как постулат и параметр языкового моделирования // Антропоцентричний підхід у дослідженнях мови: Матеріали VII міжнародних Карських читань. - Ніжин, 1998.

5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика.-М.,1989.
6. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики//Мир философии: В 2-х ч.-М.,1991.-Ч.1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы
7. Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков.-М.,1993.
8. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание.-М.,1988.
9. Гейзенберг В. Квантовая механика и беседа с Эйнштейном//Природа.-1972.- № 5.
10. Глой К. Холистски-экологическая или механистическая картина мира//Исторические типы рациональности.-М.,1996.-Т.2.
11. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию.-М.,1984.
12. Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука//Вопросы философии.-1990.-№ 4.
13. Звегинцев В.А. Новые черты современного языкознания// Новое в лингвистике -М.,1965.-Вып.IV.
14. Ильенков Э.В. Философия и культура.-М.,1991.
15. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6-ти т.-М.,1964.-Т.3.
16. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии.-М.,1988.
17. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века.-М.,1995.
18. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ.-М.,1995.
19. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения.-М.,1983.-Т.2.
20. Лефевр В.А. (интервью Н.И.Кузнецовой). "Непостижимая" эффективность математики в исследованиях человеческой рефлексии // Вопросы философии.-1990.-№ 7.
21. Лисиченко Л. Мовна картина світу та її рівні // Збірник Харківського історико-філологічного товариства.-Харків,1998.
22. Мамардашвили М.К. Проблемы анализа сознания (лекции, прочитанные на факультете психологии МГУ, март - апрель 1974 год).-Свердловск, 1990).
23. Налимов В.В. В поисках иных смыслов.-М.,1993.
24. Паскаль Блез. Мысли.-М.,1995.
25. Платон. Федр.-М.,1989.
26. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии.-М.,1985.
27. Попович М.В. Идея порядка и хаоса в науке и культуре // Идея гармонии в научной картине мира: Сб. науч. тр.-К.,1989.
28. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.-М.,1988.
29. Пригожин И., Стенгерс И.Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой.-М.,1986.
30. Рахилина Е.В. О концептуальном анализе в лексикографии А Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность.-М.,1990.
31. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию.-М.,1990.
32. Ромашко С.А. Язык как деятельность и лингвистическая прагматика // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики.-М.,1984.
33. Сачков Ю.В. Физика. Базовые модели. Интеллект//Физика в системе культуры.-М.,1996.
34. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике.-М.,1990.

35. Соколовская Ж. «Картина мира» в значениях слов. «Семантические фантазии» или «катехизис семантики». - Симферополь, 1993.
36. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. - М., 1995.
37. Тоффлер Олвин. Наука и изменение // И. Пригожин, И. Стенгерс. Порядок из хаоса. - М., 1986.
38. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология // Язык и наука конца 20 века. - М., 1995.
39. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. - М., 1988.
40. Юм Д. Сочинения в 2-х т. - М., 1965.
41. Canilli A. Nota di linguistica pascaliana // Studi di linguistica teorica ed applicata. - Padova, 1977. - A. 6. - № 1-2.
42. Hassan I. The culture of postmodernism // Theory, culture and society. - 1984. - № 2-3.
43. Nuyts J. Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language: On cognition, functionalism, and grammar. - Amsterdam, 1992.

О.А.Жаборюк

Предикація та предикативність у контексті теорії логіко-граматичної динаміки

В лінгвістичній літературі останнім часом поряд зі звичним поняттям *предикація* все частіше зустрічається термін *предикативність*. Однак стверджувати, що ці поняття уже остаточно визначені, що автори, які їх вживають, до кінця усвідомлюють сутнісну різницю між предикацією та предикативністю, було б завчасно. Навпаки, дискусія навколо цих понять лише розгорається. І в цьому, власне, нічого дивного немає, адже предикація та предикативність знаходяться в епіцентрі синтаксису. Саме ці поняття визначають сутність мовних та мовленнєвих процесів, які людство на протязі всієї історії свого існування намагалося збагнути і які й сьогодні залишаються в багатьох аспектах загадовими.

Спробуємо, спираючись на висунуту нами теорію логіко-граматичної динаміки, розкрити сутність цих понять, встановити межі співвідносності їх між собою і, таким чином, визначити ту роль, яку предикація та предикативність покликані відігравати в системі природної мови та в процесі мовленнєтворення.

Почнемо зі з'ясування сутності цих понять. В нашому розумінні,